

1898. 12 ноября. № 243.

С. 3.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(„Русская Мысль“, № 9—10).

Две послѣднихъ книжки „Русской Мысли“ не принесли ничего особенно интереснаго изъ области оригинальной беллетристики. Въ нихъ идетъ продолженіе большого романа А. А. Лугова подъ заглавіемъ „Возвратъ“, помещены очерки Иванова „Охота на зайцевъ“ и „Преступники“ П. Хотыжскаго. О „Возвратъ“ говорить теперь не приходится, такъ какъ романъ еще не конченъ. Онъ изображаетъ жизнь интеллигентной семьи, поселившейся въ деревнѣ, чтобы „опротеститься“. Тема, по всякомъ случаю, интересная, и мы поговоримъ о романѣ Лугова, когда онъ будетъ оконченъ. „Охота на зайцевъ“ Иванова плавана авторомъ „железно-дорожными картинками“. И это дѣйствительно—рядъ живо написанныхъ сценъ изъ железно-дорожной жизни. „Охота на зайцевъ“—это, на языкѣ железно-дорожныхъ служащихъ, ловля безбилетныхъ пассажировъ. Авторъ близко знаетъ ту жизнь, которую описываетъ, передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ сценъ, содержаніемъ которыхъ служить ловля „зайцевъ“: „зайцы“ и охотники-контролеры—главные дѣйствующія лица. Очерки эти, конечно, не поддаются никакому пересказу. Написаны они съ свойственной имъ автору жизненностью и читаются не безъ интереса. „Преступники“ П. Хотыжскаго снабжены подзаголовкомъ: „тюремные ти-

пы“. Авторъ рисуетъ два типа: бѣгло-каторжнаго Боброва и арестанта Горбунова. Бобровъ—убійца. Онъ убилъ мужика и былъ сосланъ въ каторгу на восемь лѣтъ. Съ каторги онъ бѣжалъ, былъ пойманъ, и теперь сидитъ пока въ тюрьмѣ. Это очень интересный типъ. Въ немъ сидитъ, какъ бы два человѣка: одинъ—обыкновенный, по своему вполнѣ благоразумный человѣкъ. Онъ и человѣка убилъ какъ-то просто, не задумываясь даже особенно надъ преступленіемъ; его даже какъ бы удивляетъ, что его сослали на каторгу. Съ каторги онъ бѣжалъ и тоже по мотивамъ очень естественнымъ. Когда онъ шелъ въ Сибирь, за нимъ обѣщала притти жена. „Покуда ждалъ и тамъ, что вотъ вотъ придетъ—ничего было, спокойно; работалъ, какъ всѣ... А какъ написала, что не придетъ, я такъ заскучалъ, такъ заскучалъ, что и отъ работы отбilo. Стали меня наказывать, стегали, били, въ темную сажали, а не помогло, вишь; и хочу работать, а не могу; стоять вотъ ребятники предъ глазами и шабашъ, скучно“... Два года шелъ онъ домой, убѣжавъ съ каторги. Но какъ только дошелъ до своей деревни, его поймали, такъ что ему даже не удалось повидаться со своей „бабой“. Вовсемъ этомъ обрисовывается намъ обыкновенный простой человѣкъ. Другимъ онъ является въ слѣдующемъ діалогѣ. Дѣло въ томъ, что въ полиціи преступника принималъ участіе старшина, который ранилъ его выстрѣломъ изъ ружья. И вотъ прогнвъ этого старшины въ сердцѣ Боброва накопѣла злоба; столь же

сильная, какъ сильно было желаніе увидѣть бабу и ребятъ.

„Говоря—спрашиваетъ Бобровъ—какъ ежели взять безвиннаго человѣка, да такъ, ни за что убить? Въдѣ нельзя? каторга въдѣ за это—предупредилъ онъ мой отвѣтъ.

— Ну, да, конечно. Въдѣ вы сами были осуж...

— Да ты не про насъ! Про насъ что, про насъ нечего—нетерпѣливо перебилъ онъ меня.—Такъ нельзя, говоришь? Такъ, слышь, не можешь ли сдѣлать, чтобы старшину нашего сослали въ каторгу?

— Какъ? Что?—удивился я.

— Онъ же въдѣ стрѣлялъ въ меня, хотѣлъ убить. А за что? Совсѣмъ безвинно. Что не убилъ, такъ это ужъ Господь не далъ, а онъ въдѣ убить хотѣлъ, значитъ его можно въ каторгу, какъ ты думаешь?

— Да зачѣмъ это вамъ?—вырвалось у меня.

— А зачѣмъ онъ насъ ловилъ? Что мы ему сдѣлали? Надо намъ безпремѣнно съ нимъ сквитаться за это, а ворочаться для одного этого не стоитъ... Нѣтъ слышь ты сдѣлай, ей Богу! Хоть не надолго, хоть на годъ; намъ бы онъ только попался туда, чтобы разсчитаться... У-ухъ! Кишки бы вымотали.

Передо мной, наводя на меня ужасъ, опять стоялъ звѣрь. Дрожь охватывала меня при одной мысли, какъ разсчитался бы этотъ звѣрь со своимъ врагомъ старшиной, если бы онъ какъ нибудь попался въ его руки.

Переходъ отъ „звѣря“ въ человѣку

Подольские губернские ведомости.

1899. 12 ноября. № 243.

С.З.

очень рѣзокъ. Сейчас же послѣ просьбы какъ нибудь устроить, чтобы старшина попалъ въ каторгу, Бобровъ молить похлопотать, чтобы разрѣшили бабѣ и ребятишкамъ идти за нимъ.

— „Итакъ, ты тово... рада Христа, постарайся! Ты вѣдь пасыменный, знаешь какъ... Мы тебѣ заплатимъ; вотъ крестъ, заплатимъ. Сдѣлай! Ты вотъ съ баряномъ, должно, хорошъ, его попроси. Слышь! Ради Христа! Подумай: вѣдь два года!.. далеко... Какъ же это? Сдѣлай, рада Христа! Хоть въ ноги вотъ поклонюсь.

Онъ вдругъ грохнулся на колѣни, съ мольбою протягивая ко мнѣ закованныя руки. Болѣзненная судорога искривила его лицо, глаза со смертельной тоской ловили мой взглядъ, а у меня пошли черные круги передъ глазами, камера завертѣлась, я былъ близокъ къ обмороку...

Горбуновъ, изображаемый во второмъ очеркѣ, это „тюремный аристократъ высшаго разряда“. Онъ исходилъ всю Сибирь вдоль и поперекъ, тридцать лѣтъ странствовалъ по островамъ и это сдѣлало его въ тюрьмѣ лицомъ выдающимся. Онъ выдѣлялся изъ общей массы своимъ поразительнымъ спокойствіемъ. „Все радовавшее, печалившее, волновавшее всѣхъ арестантовъ—Горбунова нисколько не интересовало; ко всѣмъ тюремнымъ дѣламъ, совершающимся вокругъ него, онъ относился одинаково спокойно, равнодушно“. Это равнодушіе было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ тюрьму поступилъ пятнадцатилѣтній мальчикъ Монька. Въ этому мальчику Горбу-

новъ страстно привязался и вотъ разговоръ старика передъ отправленіемъ Моньки на поселеніе. Горбуновъ объясняетъ Монькѣ притти къ нему черезъ годъ:

Приду, Монька. Если живъ буду — приду... А ежели черезъ годъ, да не будетъ меня, значить номеръ я, такъ и знай... Перекрестись тогда за меня. Побожись, что перекрестишься, — торжественнымъ, хоть и надорваннымъ тономъ, потребовалъ Горбуновъ.

— Ей Богу перекрещусь! — исполнилъ его просьбу Монька, съ удивленіемъ глядя на него.

Какое-то жгучее, давно забытое, до боли сладкое чувство охватило Горбунова, измѣнивъ его лицо изъ сурово-холоднаго въ мягкое, доброе; а глаза его съ такой любовью и нежностью смотрѣли на мальчика, что тотъ вдругъ спростился:

— А у тебя дѣдушка, должно быть, какъ и у меня, сродственниковъ то нѣтъ никого.

Горбуновъ не то востоналъ, не то крикнулъ и съ силой бросилъ въ шайку мокрое полотенце, такъ, что вода расплескалась, обрызгавъ обоихъ.

Бобровъ и Горбуновъ — различные типы, но въ нихъ есть общее — это общее то, что, несмотря на свою преступность, они продолжаютъ быть людьми и что человѣчность прорывается у нихъ иногда очень ярко. Эта черта въ преступникѣ подмѣчена рѣшительно всѣми наблюдателями: въ самомъ грубомъ звѣрѣ все же живетъ человѣкъ и наступаетъ минута, когда это человѣческое проявляется большею

частью въ очень трогательныхъ формахъ. Невольно всегда при этомъ вспоминается штрихъ оцѣнка преступниковъ, которую даетъ имъ нашъ народъ, называя ихъ „несчастливыми“.

Г. Еропкинъ въ интересной статьѣ „Земля и фабрика“ возвращаетъ къ такъ часто теперь трактующему вопросу объ относительномъ значеніи земледѣлія и промышленности въ Россіи. Для того, чтобы выяснитъ, каково истинное положеніе какъ государственнаго, такъ и народнаго хозяйства и какую роль въ немъ играютъ земледѣліе и фабрично-заводская промышленность, авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному приему. Онъ пытается опредѣлитъ степень участія различныхъ классовъ населенія и различныхъ объектов обложенія въ пополненіи государственныхъ и общественныхъ налоговъ.

По официальнымъ даннымъ за десятилѣтіе 1885—1895 года, большая половина нашего государственнаго бюджета состоитъ изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Прямые налоги таковы: поземельный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и подати — 37 1/2 мил. руб., выкупные платежи — 93 мил., сборъ съ торговли и промысловъ 33 1/2 мил., сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ — 12 мил. руб. Первые два рода налоговъ взимаются съ сельскаго населенія, за исключеніемъ 10 мил. налоговъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Остальные 47 1/2 мил. идутъ въ казну отъ торгово-промышленныхъ предпріа-

Подольские губернские ведомости.

1898. 12 ноября. № 243.

С. 3

тій. Цифра оборотовъ всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій опредѣляется въ 10 миллиардовъ рублей, значить податной процентъ по отношенію къ цѣнности объекта не превышаетъ 0,33. Годовую производительность поземельной собственности г. Еропкина вычисляетъ въ 3.081 миллионъ рублей и по отношенію къ этой цифрѣ 14 1/2 мил. руб. поземельнаго палого составитъ 0,47%. Съ причисленіемъ земскихъ сборовъ процентъ обложенія поземельныхъ доходовъ повышается съ 0,47 до 1,7, тогда какъ по торговлѣ и промысламъ—съ 0,33 лишь до 0,42.

Такииъ образомъ, интенсивность государственнаго и земскаго поземельнаго обложенія въ 4 раза сильнѣе, нежели обложенія торговли и промысловъ.

Обращаясь къ косвеннымъ налогамъ, г. Еропкинъ прежде всего устанавливаетъ численность сельскихъ жителей, занятыхъ земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, въ 101 1/2 мил. душъ. Такииъ образомъ, городское и фабричное населеніе составляетъ не болѣе 21,3% всего населенія по Имперіи. Изъ общей суммы косвенныхъ налоговъ 340 мил. руб. уплачивается сельскими жителями, занятыми земледѣліемъ, тогда какъ на остальное населеніе падаетъ всего 93 мил. рублей.

Значить земледѣліе уплачиваетъ 3/4 всѣхъ государственныхъ налоговъ, несетъ на своихъ плечахъ почти всю тяжесть земскаго обложенія; на немъ же лежитъ содержаніе волостной и сель-

ской администраціи и обязательное страхованіе построекъ и образованіе предомовладельческихъ капиталовъ и выполнение обязательныхъ натуральныхъ повинностей. Такого значенія земледѣлія къ финансовымъ отношеніямъ.

1.742.000 человекъ рабочихъ требуются для 2.328 миллионъ рублей годовой валовой производительности всѣхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ, такъ что на каждого фабрично-заводскаго рабочаго приходится 1,3 тысячи рублей валовой производительности въ годъ, на каждого сельскаго жителя приходится на 34,7 руб. сельско-хозяйственныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ. Если предположимъ, что при каждомъ фабричномъ кормится вся его семья изъ 4—5 душъ, то найдемъ, что каждая тысяча рублей валовой производительности фабрично-заводской промышленности даетъ заработокъ и средства къ существованію 4—5 человекамъ фабричнаго населенія, каждая тысяча рублей производительности земледѣлія и сельскаго хозяйства кормитъ 25—27 человекъ земледѣльческаго сельскаго населенія.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, г. Еропкинъ и приходитъ къ заключенію о первенствующей роли земледѣлія въ нашемъ народномъ хозяйствѣ и о преждевременности объявленія его обреченнымъ на вымирание. Кдвалъ можно признать вѣрнымъ то, что авторъ выступаетъ противъ все чаще и чаще раздающихся голосовъ о томъ, что земледѣліе вымираетъ и что земледѣльческая Россія, по мировымъ законамъ экономическаго развитія на-

роднаго хозяйства, должна уступить первенствующее значеніе Россіи промышленности. Здѣсь авторъ очевидно разумѣетъ русскихъ экономистовъ, строгихъ послѣдователей теоріи Маркса. Но русскіе марксисты вовсе не утверждаютъ, что земледѣліе въ Россіи имѣетъ большого значенія. Онъ говоритъ только, что слѣдуетъ имѣть въ виду, при оцѣнѣ экономическаго положенія Россіи, и сильно растущую фабрично-заводскую промышленность, что нельзя считать Россію страной исключительно земледѣльческой. Такоиъ утвержденіе тѣхъ экономистовъ, противъ которыхъ возражаетъ г. Еропкинъ и ошибка ихъ, пожалуй, заключается въ преувеличеніи значенія промышленности, а не въ уменьшеніи значенія земледѣлія. Статьи г. Еропкина не разрушаетъ тѣхъ доводовъ, которые приводятся защитниками капитализма. Но это, конечно, не мѣшаетъ ей быть очень интересной.

Одинъ изъ наиболее видныхъ представителей современнаго „народничества“ г. В. В. посвящаетъ въ октябрьской книжкѣ обширную статью „Дворянскому землевладѣнію послѣ реформы“. Мы не можемъ останавливаться на обширномъ матеріалѣ, заключенномъ въ этой статьѣ. Возьмемъ только нѣсколько цифръ, къ намъ наиболее близкихъ—именно данныя о Подольской губерніи. Процессъ уменьшенія дворянскаго землевладѣнія, идущій въ Россіи очень быстро, въ нашей губерніи сравнительно очень незначителенъ.

Подольские губернские ведомости.

1898. 12 ноября. № 243.

С.З.

Такъ въ 1859 г. площадь землевладѣнія дворянъ составляла 1.652 тысячи дес., въ 1896 г. 1.456 тыс. дес.—убылъ на 12%. Въ трехъ губерніяхъ дворянское землевладѣніе возрасло, въ остальныхъ 42 уменьшилось, и изъ нихъ наша губернія стоитъ на второмъ мѣстѣ. Въсѣмъ еще данна о задолженности. Тутъ наша губернія занимаетъ не столь благоприятное мѣсто. Заложено по сравнению съ площадью 1859 года 54%, вообще же для Юго-западнаго края заложившая площадь земель равна 40% принадлежавшей дворянъ земли.

Едва ли не самый популярный изъ современныхъ беллетристовъ является г. Потапенко. Его читаютъ всѣ, важная съ читателей нашихъ самыхъ солидныхъ журналовъ и кончая подписчиками всевозможныхъ иллюстрацій. Критика мало занимается г. Потапенко: его рассказы, повѣсти и романы проходятъ для критики почти незамѣтно, тогда какъ, напр., новый рассказъ Чехова вызываетъ чуть ли не цѣлую литературу. Конечно, разница въ талантѣ Чехова и Потапенко очень значительна, но и послѣдній заслуживаетъ полнаго вниманія критики. Не безынтересно поэтому отмѣтить въ сентябрьской книгѣ „Русской Мысли“—статью М. Протопопова „Бодрый талантъ“, посвященную г. Потапенко.

Останавливаясь на необыкновенной плодовитости г. Потапенко, критикъ говоритъ: „Что жъ дурного въ плодовитости? Чѣмъ больше энергія

обнаружить г. Потапенко въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ лучше и для него и для насъ. Правда, и ему случается иногда не только писать, но и переписывать (обыкновенно самого себя), но въ концѣ концовъ его трудовая индустриальность даетъ ему только честь,—и это все, что можно и что стоитъ сказать по этой сторонѣ дѣла“.

Спора нѣтъ, что трудовая бодрость даетъ писателю честь, но направление этой бодрости не въ сторону качества, а въ сторону количества труда, едва ли заслуживаетъ похвалы. А именно это и замѣчается у Потапенко: плодовитость его изумительна, но она явно вредитъ качеству его произведеній, ихъ художественнымъ достоинствамъ. Вслѣдствіе этого писатель не прогрессируетъ, и лучшіе его вещи всѣмъ остаются первыми произведеніями. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при оцѣнѣ плодовитости г. Потапенко и напрасно г. Протопоповъ оставляетъ его безъ вниманія.

Разсматривая цѣлый рядъ произведеній Потапенко, критикъ говоритъ. „Всякая область труда въ глазахъ его соединяется съ добромъ и правдою. „Пей, да дѣло разуймѣй“, вотъ что могъ бы взять себѣ девизомъ г. Потапенко. Это хорошо, потому что дѣйствительно надобно намъ старые герои добрыхъ намѣреній, эти „рыцари на часъ“, которые такъ благородно чувствуютъ, такъ возвышенно мыслятъ, такъ тонко анализируютъ и ничего ровно не дѣлаютъ. Не это и въ тоже время время дурно, потому что

трудъ, да терпѣніе, разуть да поля—еще не все: необходимо нужно еще сопричастіе въ трудъ не только утилитарнаго, но и нравственнаго элемента“. Это, по мнѣнію г. Протопопова главный недостатокъ г. Потапенко—это и даетъ „сомнительнымъ моралистомъ и философомъ“, но зато онъ очень удовлетворительный психологъ и превосходный бытописатель“. Доказательству наличности въ г. Потапенко эгоизма трехъ свойствъ и посвящена статья г. Протопопова. Великій знатокъ съ приведеніями Потапенко согласиться съ приведеннымъ опредѣленіемъ сущности его писательской физиономіи. Изъ этого опредѣленія вытекаютъ и признаніе г. Потапенко бодрымъ талантомъ. Онъ живетъ въ самомъ водоворотѣ жизни и непосредственно изъ нея черпаетъ свои наблюденія. Но отношеніе его къ жизни не таково, каково оно, напр., у Чехова или Гаршина. Онъ премного доволенъ дѣйствительностью, хотя, какъ писатель умный и образованный, видитъ въ ея недостатки и несообразности... Но мѣдь и на солнцѣ есть пятна, и съ бѣдностью жизни надо бороться, несовершенство надо исправлять, т. е. вообще надо всѣмъ работать, много работать, какъ можно больше работать, а не распускать нюни. Г. Потапенко такъ и поступаетъ и другихъ въ тому же настойчиво поучаетъ. Это ли еще не бодрость?“